

Я. С. ЛУРЬЕ

К изучению классового характера древнерусской литературы

I

Вопрос о социальном характере литературы XI—XVII вв. и классовой идеологии ее авторов принадлежит к числу важнейших вопросов древней русской литературы.

Представление о классовом характере всякой общественной идеологии в классовом обществе является одним из основных положений исторического материализма. В общей форме мысль о тенденциозности литературы, о том, что в литературном произведении выражается не только индивидуальность его автора, но и воззрения определенных общественных групп, высказывалась и в домарксистской науке. Мысль эта не чужда была и исследователям древнерусской письменности, несмотря на традиционный консерватизм представителей этой отрасли русской филологии. О «недовольстве современными государственными порядками в сознании мыслящих русских людей XVI века» и о писателях того времени, бравших на себя «опасное дело защищать народные и общественные интересы, подавляемые государством и пренебрегаемые церковной иерархией», еще в 1863 г. писал известный впоследствии историк церкви А. С. Павлов. По мнению А. С. Павлова, «недовольство московскими государственными порядками» сильнее всего чувствовалось там, «где еще свежи были предания самоуправного народного веча, и куда постоянно обращен был недоверчивый и строгий взор московского правительства, — в Новгороде и Пскове».¹ Примерно в те же годы Н. И. Костомаров говорил о двух писателях XV в. — Иосифе Волоцком и Ниле Сорском — как о представителях «двух различных направлений», связанных с Москвой и с Новгородом. «Личная свобода — душа новгородской жизни — господствовала и в монастырском быту; и там новгородец не хотел налагать на себя тяжелого ярма. Между тем в Московской Руси монастырское устройство совпадало с общинным устройством, господствовавшим в миру, и строгая власть настоятеля была в его монастыре подобием неограниченной власти князя над землею».²

Интересно отметить, что мысль о тенденциозности древнерусских писателей, о принадлежности их к определенным «направлениям» уже при

¹ А. С. Павлов. Земское (народное и общественное) направление русской духовной письменности в XVI в. — Православный собеседник, ч. 1. Казань, 1863, стр. 296 и 298.

² Н. К — в (Костомаров). Рецензия на книгу: И. Хрущов. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868. — Вестник Европы, 1868, кн. 4, стр. 969—970.

самом своем появлении вызывала протест у наиболее консервативных исследователей «русской словесности». Отвечая Н. И. Костомарову и другим авторам, осмелившимся поставить вопрос о «политическом направлении» Иосифа Волоцкого, известный археограф и церковный историк К. И. Невоструев писал: «Иосиф не имел никаких политических взглядов, а как отец и учитель духовный в своих сочинениях раскрывал иногда по учению Библии значение и обязанности царей, давал христианам уроки мудрости, кротости и правосудия, на коих зиждется благосостояние царств».³

Возражения К. И. Невоструева и других представителей «охранительного направления» не имели успеха в русской науке. В работах конца XIX—начала XX в. мы постоянно встречаемся с представлением о тенденциозности древней русской литературы, о ее связи с общественным сознанием. Очень глубоко проведена эта мысль, в частности, в «Курсе русской истории» В. О. Ключевского. По мнению В. О. Ключевского, «между индивидуальным умом и коллективным сознанием происходит постоянный обмен услуг и влияний. Общественный порядок ... служит предметом личных убеждений, источником нравственных правил и чувств ... Зато и личные убеждения, становясь господствующими в обществе, входят в общее сознание ... Так от общественных отношений отлагаются личные идеи, а идеи перерабатываются в общественные отношения».⁴ Исходя из этих общих положений, В. О. Ключевский считал, например, что литературная полемика между иосифлянами и нестяжателями отражала борьбу между боярами и отшельниками (монахами): «Отшельники выступали соперниками боярства на поприще, где оно надеялось властвовать безраздельно, в привилегированном землевладении, и успешно оспаривали у него самый насущный его интерес, землю с рабочими крестьянскими руками ... Способные наблюдать и размышлять из бояр с прискорбием видели ... как крестьяне, посаженные на боярскую землю и обстроенные на боярское серебро, перебежали на более льготную землю богатого монастыря. Поэтому монастырское землевладение подвергается наиболее страстным нападкам».⁵ В сочинениях Пересветова В. О. Ключевский видел «резкий политический памфлет, направленный против бояр в пользу „воинов“, т. е. рядового военно-служилого дворянства, к которому принадлежал сам челобитчик»;⁶ характеризуя идеологию посланий Ивана Грозного, он говорил, что «по мысли царя Ивана дворянство должно было сменить боярство, как правящий класс, в виде опричнины».⁷

Сходные мысли встречаются и у наиболее выдающихся представителей русской филологии того времени. Хорошо известно, например, замечание А. А. Шахматова о летописце: «...рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, развертывающимся вокруг него ... — рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы».⁸

Само собой разумеется, что воззрения такого рода никак не могут быть отождествлены с марксистскими взглядами на общественную идеологию. Зависимость писателей от «мирских интересов» воспринималась в русской

³ Отчет о двенадцатом присуждении наград гр. Уварова 25 сентября 1869. СПб., 1870, стр. 88.

⁴ В. О. Ключевский. Сочинения, т. I. М., 1956, стр. 35.

⁵ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. Пб., 1919, стр. 272—273.

⁶ В. О. Ключевский. Сочинения, т. II. М., 1957, стр. 182.

⁷ Там же, стр. 183.

⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Пгр., 1916, стр. XVI.

филологической и исторической науке конца XIX—начала XX в. как спорадическое и более или менее случайное явление; смысл самих этих «политических страстей и мирских интересов» не был и не мог быть раскрыт в домарксистской науке. Борьба «направлений», о которой обычно писали исследователи, это не столько классовая борьба, сколько борьба внутри господствующего класса (бояре и дворяне, бояре и монахи), борьба между «новгородским» и «московским» устройством и т. д. Представление о классовой борьбе как о неизбежном и постоянном явлении в жизни классового общества, о связи между экономическим базисом и такими надстроечными явлениями, как литература, было чуждо домарксистскому литературоведению.

Характерно, однако, что в буржуазной науке XX в. после появления марксистских исторических и филологических исследований наблюдается резкая оппозиция даже тем представлениям о зависимости литературы от «мирских интересов», которыенисколько не смущали В. О. Ключевского или А. А. Шахматова. Мысль о тенденциозности древнерусских писателей воспринимается теперь как мысль оскорбительная и унижающая людей того времени, приписывающая им эгоизм и своекорыстие. Говоря, например, о Иосифе Волоцком, современные западные исследователи решительно отрицают существование у него каких-либо «политических интересов», с негодованием отвергая «эгоистическое или партийно-утилитарное лжетолкование» его взглядов.⁹ Перед нами, как мы видим, прямое возвращение к точке зрения К. И. Невоструева, согласно которой «преподобный» вообще не мог иметь «никаких политических взглядов».

В наиболее развернутой форме возражения против марксистского представления о классовом характере древнерусской литературы были высказаны в статье Д. Чижевского «Социальный вопрос в древнеславянских литературах». В этой статье, написанной в резко полемическом тоне, Д. Чижевский пытается доказать, что марксистский «социологический» метод (принесший, как он готов признать, известную пользу советской историографии) оказался совершенно бесполезным при исследовании памятников древнерусской литературы. Доказательством этого, по мнению автора, может служить уже тот факт, что марксистские исследователи, писавшие о социальном характере «Моления Даниила Заточника», «пришли однако... к пяти различным ответам!».¹⁰ Заметим прежде всего, что изумление и ирония, высказанные по этому поводу Д. Чижевским (и подчеркнутые в его статье язвительным многоточием и восклицательным знаком), нам не совсем понятны. Полагает ли автор, что марксисты при решении любых, даже весьма сложных по материалу вопросов обязаны проявлять «единомыслие» щедринских градоначальников? Неужели отсутствие такого «единомыслия» в глазах Д. Чижевского является признаком слабости марксизма? Неужели представители иных научных школ, к которым Д. Чижевский относится более снисходительно, чем к марксистам, во всех частных случаях солидарны между собой? Все это очень странно.¹¹

⁹ Ср.: Т. Špidlik. Joseph de Volokolamsk. Une chapitре de la spiritualité russe. Roma, 1956, стр. 137—141; I. Holzwarth. Der «Prosvetitel» des Josif von Volokolamsk, I. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades... 1944 (машинопись из Берлинской университетской библиотеки), стр. 252—253.

¹⁰ D. Čiževskij. Aus zwei Welten. Slavistic Printings and Reprintings ed. by C. H. v. Schooneveld. Leiden University, X. S-Gravenhage, 1956, стр. 30.

¹¹ Необходимо указать, что и в изложении конкретных взглядов советских исследователей Д. Чижевский крайне тенденциозен и неточен. Желая во что бы то ни стало противопоставить друг другу взгляды своих оппонентов, Д. Чижевский смешивает вопрос о социальной среде, из которой вышел Даниил Заточник (именно об этом пи-

Конкретные возражения, высказанные Д. Чижевским против марксистских исследований о древнерусской литературе, сводятся к двум пунктам: он возражает против предположения своих противников, «что к идеям давно прошедших времен можно подходить с категориями сегодняшнего мышления», и против их представления, будто «идеология непосредственно (unmittelbar) зависит от классовых интересов».¹²

Второе из этих возражений едва ли можно считать серьезным: странно, каким образом исследователь, если он хотел рассмотреть взгляды марксистов добросовестно, мог приписать им столь чуждое историческому материализму представление. В самом деле, в каких марксистских работах Д. Чижевский нашел указание на непосредственную зависимость идеологии от классовых интересов? Если бы Д. Чижевский дал себе труд ознакомиться хотя бы с достаточно известной монографией Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», то он встретился бы там со специальным опровержением (как всегда у Плеханова, очень резким и острым) подобной вулгаризации исторического материализма. Г. В. Плеханов высмеивал тех людей, которые думают, что, если марксисты считают, например, Канта буржуазным идеологом, то этим они хотят сказать, что его философские теории имели целью доставить немецкой буржуазии «как можно больше вкусных блюд и „прекрасных невольниц“». «Нужно ли уверять, что все это совершеннейшие пустяки?!» — писал по этому поводу Плеханов. «Когда Маркс говорит, что данная теория соответствует такому-то периоду экономического развития общества, то он вовсе не хочет сказать этим, что мыслящие представители класса, господствовавшего в течение этого периода, сознательно подгоняли свои взгляды к интересам своих более или менее богатых, более или менее щедрых благодетелей ... Процесс возникновения идеологической надстройки совершается незаметным для людей образом. Они рассматривают эту надстройку не как временный продукт временных отношений, а как нечто естественное и обязательное по своей собственной сущности. Отдельные лица, взгляды и чувства которых складываются под влиянием воспитания и вообще окружающей обстановки, могут быть преисполнены самого искреннего и вполне самоотверженного отношения к тем взглядам и тем формам общечития, которые исторически возникли на почве более или менее узких классовых интересов».¹³ Для уяснения аутентичного марксистского взгляда на этот вопрос Д. Чижевский мог бы обратиться и к Ф. Энгельсу, писавшему, что если бы политика, философия, литература и другие виды идеологии прямо и исключительно определялись экономикой, то применить марксистскую теорию «к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени».¹⁴

Более внимательного рассмотрения заслуживает первое возражение Чижевского — о невозможности подходить к идеологии давно прошедших времен «с категориями сегодняшнего мышления». Это — весьма популярная в западной историографии идея: допуская существование классовой борьбы и вообще «мирских интересов» в наше прозаическое время, многие авторы считают применение этих понятий к средневековью недопустимой «модернизацией». В книге о русском монашестве западногерманский исследователь И. Смолич заявляет, например, что «историки и особенно

сал Н. К. Гудзий), с вопросом о его классовых позициях, приписывает Б. А. Романову взгляд на «заточников» как на особую социальную категорию и т. д.

¹² D. Čiževskij. Aus zwei Welten, стр. 32—33.

¹³ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. VII. М.—Пг., 1923, стр. 205—206.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVIII, стр. 244—245; ср. т. XXIX, стр. 283—284.

историки церкви зачастую схематизируют образ мыслей и поступки людей в определенные эпохи; последующие поколения часто вообще не принимают идейного достоинства прошедших времен, так как они не могут перенести себя в тогдашнюю ситуацию и религиозное состояние». Говоря о мировоззрении людей Древней Руси, И. Смолич утверждает, что «их образ мысли и рассуждения весьма сильно отличались от нынешнего умозрения (Spekulation)».¹⁵

В такой чисто отрицательной и «агностической» форме мнение И. Смолича и других противников «модернизации» обладает известной логической силой. «Чужая душа — потемки», а с людьми XI—XVII вв. нам не приходилось встречаться, мы не можем сказать с точностью, как именно они думали. Любая попытка восстановить ход рассуждения людей давно прошедших времен (скажем, попытка В. О. Ключевского объяснить мотивы, побуждавшие бояр выступать против монастырского землевладения) гипотетична: мы представляем себе их мышление по аналогии с нашим собственным.

Но ведь и противники «модернизации» живут в XX в. и они не имели возможности соприкоснуться с людьми XI—XVII вв. А между тем они не остаются на позициях чистого агностицизма, они тоже пытаются установить, как именно думали люди Древней Руси. Непосредственно за приведенными словами о «последующих поколениях», не понимающих духовного достоинства прошлого, И. Смолич излагает собственное мнение об образе мысли древнерусских людей: «Люди тогда были по большей части как верующие дети, но со страданиями взрослых людей».¹⁶

Как ни трогательна эта картина, ее трудно признать особенно убедительной. Памятники Древней Руси, столь же доступные нам, как и Смоличу, не обнаруживают никакого специфического инфантилизма людей того времени. Среди них были люди доверчивые и циничные, самоотверженные и бессовестные, глупые и мудрые — те же весьма разнообразные типы человеческих индивидуальностей, которые мы встречаем в наше время. Само собой разумеется, что прямое перенесение понятий, характерных для нашего времени, в древность было бы недопустимой модернизацией. И кстати сказать, противники марксизма грешат подобной модернизацией очень часто. В ходе дискуссии о древнерусской культуре, проведенной недавно американским журналом «Slavic Review», подымался, например, вопрос о «экзистенциализме» в Древней Руси,¹⁷ и даже Д. Чижевский, решительно возражающий против применения «категорий сегодняшнего мышления» к прошедшим временам, усматривает явления «конвергенции» между творчеством Маяковского и Кальдерона, Есенина и славянских поэтов XVI—XVII вв.¹⁸ Конечно, Древняя Русь не знала «экзистенциализма», возникшего в связи со специфическими литературными явлениями XX в., как не знала она, скажем, импрессионизма и экспрессионизма, как не знала она явлений современной науки и техники. Бесплодно переносить в Древнюю Русь и политические явления более позднего времени, например говорить о «кадетах» или «меньшевиках» Древней Руси. Но явления, свойственные любому классовому обществу, не были и не могли быть чуждыми русскому обществу XI—XVII вв. Богатые и «сильные» люди «обижали», «грабили» и «истязали» «убогих»,

¹⁵ I. Smolitsch. Russisches Mönchtum. Entstehung, Entwicklung und Wesen. 988—1917 (Das östliche Christentum, Neue Folge, Heft 10/11). Würzburg, 1953, стр. 119—120.

¹⁶ Там же, стр. 120.

¹⁷ G. Florovsky. The problem of Old Russian culture. — Slavic Review. March, 1962, стр. 10 (отдельный оттиск).

¹⁸ D. Čiževskij. Aus zwei Welten, стр. 308—318 и 319—326.

налагали на них «лесть на лесть и лихву на лихву», отнимали «коровку их и лошадку» — иначе говоря, эксплуатировали их; «убогие» нередко učinяли богатым «пакости», а иногда даже убивали своих «государей» — вели, следовательно, классовую борьбу. Люди XI—XVII вв. не знали и не употребляли понятий, созданных социологической наукой нового времени, но действовали они в полном соответствии с этой наукой — как нормальные и взрослые люди, а не как «верующие дети».

Говоря это, мы вовсе не хотим преуменьшить роль христианской идеологии в древнерусском обществе. В средневековом обществе, по известному выражению Ф. Энгельса, «догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами»,¹⁹ на языке богословия воспитывались писатели и публицисты, этим языком они вели споры по всем насущным вопросам жизни. Но именно эта всеобъемлющая роль христианства в умственной жизни средних веков приводила к тому, что библейские авторитеты использовались для обоснования самых различных, иногда диаметрально противоположных воззрений.

Противопоставляя свои взгляды на древнерусскую публицистику взглядам советских исследователей, Д. Чижевский утверждает, что в применении к Древней Руси правильнее говорить не о «социальных вопросах», а о проблеме «бедности и богатства», об идее равенства людей перед богом (в памятниках XV—XVII вв.). «Заповеди господни — сострадание — сатира — общественные нужды — наконец, ненависть — такковы были ступени, по которым проходили „социальные мотивы“ в древнеславянских литературах», — пишет он.²⁰ Заметим, однако, что библейские заповеди (включая идею равенства людей перед богом) воспринимались различными писателями Древней Руси по-разному, и эмоции сострадания и ненависти возникали у одних писателей совсем не в таких же случаях, как у других. Холоп Феодосий Косой, например, понимал идею библейского равенства в том смысле, что «все людие едино суть у бога, и татарове, и немцы, и прочии языцы», а Иван Грозный выводил из нее только необходимость одинакового режима для монахов одного монастыря, не соглашаясь даже своего любимого слугу «страдника» Василия Грозного приравнять к князю Семену Пункову или Михаилу Глинскому.²¹ Боярин Василий-Вассиан Патрикеев в ярких красках описывал разорение монастырских поселен, а игумен монастыря Иосиф Волоцкий замечал почему-то только «глад и наготу» «рабов и сирот» светского вельможи.²² Иосиф Волоцкий и Иван Пересветов одинаково обращались к апокрифическому рассказу о пакостях, учиненных дьяволом изгнанному из рая Адаму, но Иосиф Волоцкий утверждал, что от дьявола исходит «праздность», а от бога — «труд», между тем как Пересветов считал дьявола родоначальником всякой «записи в работу» и «порабощения».²³ Каждый из этих идеологов несомненно считал, что его взгляды естественны, разумны и вытекают из библейских законов и требований справедливости, не замечая того, что конкретное понимание этих законов и справедливости в каждом случае соответствовало вполне реальным интересам определенных классов русского общества.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 361.

²⁰ D. Čiževskij. Aus zwei Welten, стр. 33, 42, 44.

²¹ Послание многословное. Сочинение инока Зиновия. М., 1880, стр. 143; Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 179—180 и 193—194.

²² Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 258; Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 152—154.

²³ Послания Иосифа Волоцкого, стр. 312—313; Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, стр. 181.

II

Для правильного понимания марксистского учения о классовом характере всякой общественной идеологии важнейшее значение имеют замечания К. Маркса в работе «18 брюмера Луи Бонапарта». Говоря о «социально-демократической партии» 1848 г., или «красных республиканцах» (партии Ледрю-Роллена), К. Маркс характеризовал их как представителей мелкой буржуазии и разъяснял: «Не следует только впадать в то ограниченное представление, будто мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические классовые интересы. Она верит, напротив, что *специальные условия* ее освобождения суть в то же время те *общие условия*, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Равным образом, не следует думать, что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таков²⁴ и вообще отношение между *политическими и литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют». И так, классовое лицо идеолога определяется не тем, что он сам принадлежит или считает себя принадлежащим к данному классу, а тем, что он теоретически приходит к тем же задачам и решениям, к которым данный класс должен прийти в силу материальных условий и общественного положения.

Мысль Маркса о соотношении между «политическими и литературными представителями класса и тем классом, который они представляют», получила дальнейшее развитие в работах В. И. Ленина. Среди этих работ наибольшее значение для литературоведения вообще и для исследования древнерусской литературы в частности имеют работы В. И. Ленина о Льве Толстом — его статья 1908 г. «Лев Толстой, как зеркало русской революции» и группа статей, появившихся после смерти Толстого.²⁵ Оценивая историческое значение творчества Льва Толстого, В. И. Ленин писал, что в «произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-„надельное“, стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны, и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению».²⁶ Так же как и Маркс в «18 брюмера...», В. И. Ленин исходил здесь отнюдь не из классового происхождения писателя: он отмечал, что «по рождению

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 148.

²⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, тт. 17 и 20. Об истории написания этих работ см.: Б. Мейлах. Статьи Ленина о Льве Толстом. — В кн.: Ленин и проблемы русской литературы конца XIX—начала XX века. Л., 1956, стр. 309 и сл.

²⁶ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 20—21.

и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещицкой знати в России». ²⁷ Дело было здесь не в степени популярности учения Толстого в крестьянстве: толстовство могло быть популярно среди отдельных крестьян, но оно никогда не было массовой программой, за которую выступало русское крестьянство. Социальный характер творчества Толстого определяется именно тем, что он теоретически пришел к тем взглядам, на которые толкали крестьянство материальные условия его жизни. «Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России». ²⁸

В этом же плане чрезвычайно важно замечание В. И. Ленина о том, что письмо Белинского к Гоголю отражает «настроение крепостных крестьян против крепостного права». ²⁹ И здесь, как мы видим, В. И. Ленин исходит прежде всего из объективного смысла идеологии писателя.

Понимание литературного творчества, данное в трудах К. Маркса и В. И. Ленина, не сразу было воспринято литературоведами — даже теми, которые стояли на точке зрения классовой борьбы и считали себя сторонниками «социологического метода». Многие из них воспринимали идеи исторического материализма почти так же упрощенно, как это делают критики марксизма, смешивая объективный социальный смысл идеологии писателя с его субъективной «классовой психо-физиологией». Очень характерны в этом отношении воззрения одного из представителей «вульгарно-социологического метода» в литературоведении начала XX в. — В. А. Келтуялы. Классовую психологию писателя (как и всякую человека) В. А. Келтуяла считал твердо, почти фатально predetermined «общественно-классовым трудом», «индивидуализированным общественно-классовым трудом», «индивидуализированным общественно-классовым досугом» и даже «индивидуализированным общественно-классовым сном». ³⁰ «Последовательная переработка психо-физиологии каждого человека под воздействием общественно-классового труда», по мнению В. А. Келтуялы, закрепляется и передается потомству двумя путями: а) «путем бессознательного или иногда и сознательного воспитания родителей детей, внуков и т. д.»; б) «через независящее от воли людей кровное унаследование вырабатывающихся из поколения в поколение общественно-классовых психо-физиологических свойств, способностей, черт и навыков (общественно-классовая психо-физиологическая наследственность)». ³¹ Если классовая «психо-физиология» настолько прочно прикреплена к человеку, что даже передается через «кровное унаследование», то ясно, что социальное происхождение человека, его, так сказать, «анкетные данные» имеют решающее значение для определения его классовой идеологии. Естественно, что Пушкин оказывался у «вульгарных социологов» стопроцентно «дворянским идеологом» (споры велись только о том, был ли он «реакционным» или «либеральным» дворянином), такую же характеристику получали поэты-декабристы и т. д. Необыкновенно суживалась и роль литературных произведений: созданные в рамках одной «классовой психоидеологии», они, по представлению «вульгарных социологов», остаются чуждыми для представителей иных классов, например произведение, воплощающее «типичные черты феодально-дворянской пси-

²⁷ Там же, стр. 39—40.

²⁸ Там же, т. 17, стр. 210.

²⁹ Там же, т. 19, стр. 169.

³⁰ В. А. Келтуяла. Историко-материалистическое изучение литературного произведения. Л., 1926, стр. 10—16.

³¹ Там же, стр. 10—11.

хологии», вызывает у буржуазного читателя «сильные переживания, проинкнутые антифеодалным духом», а у крестьян — «ряд болезненно-жгучих переживаний антифеодалного характера».³²

Приведенные взгляды В. А. Келтуялы представляют для нас особый интерес благодаря тому, что этот автор был одним из немногих «вульгарных социологов», специально занимавшихся древней русской литературой. Попытку пересмотреть историю древней русской литературы с социологических позиций В. А. Келтуяла предпринял еще до революции, в 1908—1913 гг. В своем «Курсе истории русской литературы» В. А. Келтуяла решительно и во многом справедливо выступал против весьма распространенного в дореволюционной науке взгляда, согласно которому «культурным и идейно литературным творцом» древнерусской литературы было «некоторое коллективное целое, называемое „народом“, представляемое однородным по своему составу и окрашиваемое в демократические и в то же время простонародные цвета, заимствованные по преимуществу из крестьянской среды».³³ В противовес этому «народническому» представлению В. А. Келтуяла, отмечая резкую классовую дифференциацию русского народа уже в период образования Древнерусского государства, утверждал, что «подлинным творцом древнерусской национальной культуры, древнерусской литературы и древнерусского мировоззрения был не „народ“, представленный в демократических и простонародных или крестьянских очертаниях, а небольшая часть народа, именно его правящий класс».³⁴ Народная масса усвоила «обломки аристократической культуры» Древней Руси лишь задним числом (не ранее XVII в.), когда профессиональные певцы-поэты (скоморохи) были изгнаны на север и когда после реформы Никона мировоззрение, созданное «правительственной боярской партией, иосифлянами», было объявлено «противоправительственным» и попало в «простонародную среду», породив раскол.³⁵

Весьма типичной для общей концепции В. А. Келтуялы была, в частности, характеристика, данная им двум направлениям в литературе и публицистике конца XV и XVI в. — «нестяжательству» и «иосифлянству». Характеристика эта была построена на основе излюбленной «вульгарными социологами» «психоидеологической» теории, согласно которой эмоциональное состояние автора выводилось прежде всего из исторических судеб его класса («молодого», «подымающегося» или «уходящего», «упадочного»). Нестяжательское направление, по мнению В. А. Келтуялы, развивалось в среде выходцев из высшего боярства. Возвышение Москвы приводило к разорению и падению этой общественной группы, в боярских семьях воцаряется «отчаянье, или, по крайней мере, угнетенное состояние духа», встает вопрос: «За что?», бояре принуждены уйти из привычной среды и местности, они становятся отшельниками. И вот под влиянием катастроф, обрушившихся на боярство, складывается нестяжательство, основными чертами которого являются: 1) строгая дисциплина духа как «результат тяжелых катастроф», 2) критическое отношение к «божественному писанию» как «результат перенесения в область религии привычки критически относиться к предложениям князя», 3) сочувствие удельно-феодалному строю и независимое, «полное достоинства отношение к мос-

³² Там же, стр. 44—45.

³³ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. 1. Пособие для самообразования. История древней русской литературы, кн. 2. СПб., 1911, стр. III (это предисловие было потом переиздано во втором издании «Курса»: ч. 1, кн. 1. СПб., 1913, стр. III).

³⁴ Там же, стр. IX—XI.

³⁵ Там же.

ковским князьям», 4) сочувствие к крестьянам и вообще «ко всем бедствующим» — «лица, испытавшие тяжкие удары судьбы, понимают горе чужих людей», 5) «колонизационный и организаторский талант» как результат «многовекового боярского опыта», 6) склонность к «отшельничеству» и «общежительному монашеству».³⁶ Полной противоположностью этому направлению является иосифлянское «внешнеаскетическое направление», свойственное монахам, происходившим из дворян. Для них характерны: «склонность к строгой внешней организации монастырской жизни» и благоговейное отношение к власти князя как результат «полной зависимости» дворян от князя и привычки к дисциплине, связанное с этим же полное признание авторитета «божественного писания», «дух нетерпимости и суровости», вызванный воспитанным в дворянах «подозрительным и недоверчивым отношением к людям», хозяйственность и «стяжательность», приобретенная дворянами на княжеской службе, и т. д.³⁷

Во многом сходны со взглядами В. А. Келтуялы воззрения другого представителя «вульгарной социологии», уделявшего внимание древнерусской литературе, — П. Н. Сакулина. Указывая на необходимость «выровнять наш методологический фронт» и построить всю русскую литературу на единых социологических принципах, П. Н. Сакулин относил древнерусскую литературу к той «культурной эпохе», когда «классом-гегемоном» был «высший образованный класс (князья, бояре, высшее духовенство)».³⁸ Классовый характер древнерусской литературы и для П. Н. Сакулина определялся прежде всего классовым происхождением древнерусских писателей — выходцев из среды «духовенства, монашества, княжеской знати, боярства и дружины»; «с помощью литературного творчества разные классовые группы выражали свою психологию и идеологию с теми оттенками, какие были подсказаны их принадлежностью к определенному периоду и к определенной области».³⁹ При конкретном рассмотрении литературных памятников П. Н. Сакулин почти забывал об этих принципах; древнерусская литература рассматривалась им прежде всего как литература «византийской культуры», основные «стили» этой литературы — «церковный и светский». В. А. Келтуяла оказывался в этом отношении гораздо более последовательным «социологом», чем П. Н. Сакулин.

Упрощенная «классовая интерпретация» явлений литературы (в частности древней русской литературы), содержащаяся в трудах «вульгарных социологов», была отвергнута советской наукой уже в 30-х годах. В 1934 г. в работе «Ленин и литературоведение» А. В. Луначарский подчеркнул важнейшее различие между подлинно марксистским и примитивно «социологическим» подходом к явлениям литературы. Ленинская теория отражения, писал А. В. Луначарский, «учитывает не столько генетическую принадлежность писателя, сколько отражение этим последним социальных сдвигов, не столько субъективную прикрепленность писателя и связанность его с определенной социальной средой, сколько объективную характерность его для тех или иных исторических ситуаций».⁴⁰

Писатель в антагонистическом классовом обществе обладает определенной классовой идеологией, но чем значительнее писатель, тем более узкими

³⁶ Там же, стр. 368—370.

³⁷ Там же, стр. 393—394.

³⁸ П. Н. Сакулин. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей, ч. 1. — Литературная старина. М., 1928, стр. 7 и 14.

³⁹ Там же, стр. 176.

⁴⁰ А. В. Луначарский. Статьи о литературе. М., 1957, стр. 41; ср.: М. Л и Ф. Ш. Вопросы искусства и философии. М., 1935, стр. 301—312.

оказываются для него рамки идеологии господствующего класса. Крупное литературное произведение уже при своем возникновении сложно по социальному характеру, а в дальнейшем оно воспринимается не только тем классом, в недрах которого оно возникло, но и самыми различными классами разных общественных формаций. Именно это обстоятельство имел в виду К. Маркс, говоря, что трудность исследования художественных произведений «заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недосыгаемым образцом».⁴¹

Вопрос о классовом характере литературы не всегда удачно решался литературоведами и после преодоления «вульгарного социологизма»; по справедливому замечанию одного из критиков, преодоление «социологизма» в подходе к литературе оказалось более легким делом, чем преодоление вульгарности.⁴² На смену абстрактным «социальным характеристикам» в литературоведческих работах (особенно в 40-х и начале 50-х годов) нередко появлялись не менее абстрактные декларации о «народности» самых разнообразных литературных произведений.⁴³ Но в целом советскому литературоведению свойственно именно понимание сложности социальной характеристики больших литературных явлений.

Это понимание в полной мере свойственно и исследованиям по древней русской литературе. Несомненно, что памятники письменной литературы Древней Руси в огромном большинстве были связаны с господствующим (с XI—XII вв. — феодальным) классом, но было бы неверно думать, что идеология широких народных масс не получала отражения в этих памятниках. В своем исследовании «Возникновение русской литературы» Д. С. Лихачев показал ряд путей воздействия трудовых масс на литературу XI—XIII вв.: под влиянием классовой борьбы идеология господствующего класса изменялась и усложнялась («смердолюбие» Владимира Мономаха и некоторых его современников); в литературу проникали материалы устного народного творчества, а иногда вместе с ними и идеи, чуждые господствующему классу; в ходе внутриклассовой борьбы отдельные группы господствующего класса выступали в качестве «защитников» бедных и угнетенных.⁴⁴

Чем же определяется основная социальная характеристика литературы XI—XIII вв., что именно позволяет связывать эту литературу с классом феодалов? Решающее значение в каждом случае, очевидно, имеет совпадение между теоретическими воззрениями «литературных представителей» класса и реальными классовыми интересами. Популярное в литературе XI—XIII вв. идеи княжеской «милости» («патроната») и «братства» князей (в житиях Бориса и Глеба) были, как убедительно показал Д. С. Лихачев, теснейшим образом связаны с системой феодального вас-

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 737.

⁴² Э. Паперный. Симуляция исследования. — Вопросы литературы, 1962, № 10, стр. 119.

⁴³ Одним из наиболее ярких образчиков подобных деклараций следует считать статью И. П. Лапицкого «К вопросу о народности в древнерусской литературе» (Вестник ЛГУ, 1955, № 3, серия общественных наук, вып. 1). Усвоив популярное в литературоведении предшествующих лет широкое толкование понятия «народности», И. П. Лапицкий усматривал, например, «народность» в «удивительно пронизательном» заявлении Ивана Грозного английской королеве Елизавете, что Англией управляют «не токмо люди, но мужики торговые» (стр. 71).

⁴⁴ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М—Л. 1952, стр. 209—211; ср.: Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947, стр. 130—143.

салитета и взаимных обязательств между сюзереном и вассалами.⁴⁵ Д. С. Лихачев ни в какой мере не вульгаризирует здесь литературу XI—XIII вв., не приписывает ей сознательного стремления использовать христианскую проповедь для осуществления классовых интересов, он специально оговаривается, что «в какой-то мере феодалы субъективно были уверены в своих идеях, считали свои идеи интересами всего народа». Речь идет именно об объективном смысле этих идей, о том, что «общехристианские идеи — „милосердия“, „любви к ближнему“, „нищелюбия“ — в условиях раннего феодализма и феодальной раздробленности были приближены к реальным потребностям феодалов».⁴⁶

Новая постановка вопроса о классовом характере древнерусской литературы в современном советском литературоведении была вызвана не только более глубоким пониманием основ исторического материализма. Если для марксистской науки в период ее становления было характерно прежде всего теоретическое переосмысление материала, собранного старыми филологами, то современная советская наука заново исследует с материалистических позиций самые памятники. Следствием этого является пересмотр целого ряда общих характеристик, созданных еще в старом литературоведении и лишь переведенных на «классовый» язык социологами начала XX в.

Так обстоит дело, например, с характеристикой «нестяжателей» и «иосифлян». Вопреки традиционной концепции старой историографии, изложенной В. А. Келтуялой в «социологической» форме, «иосифляне» вовсе не были дворянами, воспитанными на княжеской службе, а «нестяжатели» — противниками великокняжеской власти. Волоколамский игумен Иосиф в течение многих лет (до начала XVI в.) боролся с «царем-мучителем» Иваном III, а глава «нестяжателей» Вассиан Патрикеев стремился провести реформу монастырского землевладения с помощью своего покровителя — великого князя Василия III.

Говоря о социальном характере обоих направлений, советские исследователи разграничивают субъективные воззрения идеологов, интересы социальной среды, с которой они были непосредственно связаны, и объективный социальный смысл их литературных выступлений. Субъективно Иосиф Волоцкий и Вассиан Патрикеев считали себя прежде всего христианами, проповедующими идеи «божественных писаний», хотя понимали они эти идеи, как мы уже отмечали, различным образом. Связанный ближайшим образом со средой крупного черного духовенства, Иосиф Волоцкий в первую очередь защищал интересы этой прослойки класса феодалов, однако проповедь его имела и более широкое значение: в конце XV в., когда Иосиф призывал бороться со «злочестивыми царями», его слова отражали стремления сторонников гибнущего удельного строя; когда же волоколамский игумен, порвав с местными князьями, начал отстаивать «божественность» великокняжеской власти, он стал в глазах современников представителем иной социальной группы — «дворян великого князя». Для Вассиана Патрикеева, насильственно постриженного в монахи, наиболее близкой социальной средой было московское боярство, но против великокняжеской власти он никогда не выступал. Оппозиционное боярство в лице Курбского подхватило идеи Вассиана уже задним числом — в середине XVI в. Если же рассматривать воззрения Иосифа Волоцкого и Вассиана Патрикеева в наиболее широком плане, то следует видеть в них

⁴⁵ Д. С. Лихачев. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII вв. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 79—80.

⁴⁶ Там же, стр. 82.

прежде всего идеологов господствующего класса феодалов; в отличие от еретиков Иосиф и Вассиан никогда не покушались на основные устои феодально-религиозной идеологии.⁴⁷

Внимательное исследование литературных памятников обнаруживает сложность идеологии даже таких публицистов, социальные воззрения которых могут показаться на первый взгляд совершенно ясными и однозначными. Писатель-дворянин XVI в. Иван Пересветов, в отличие от своих духовных братьев, меньше всего был склонен к абстрактно-богословским умствованиям, он настойчиво защищал интересы «воинников», резко порицая «вельмож» — «ленивых богатых». Исследователь творчества Пересветова А. А. Зимин, признавая дворянский характер идеологии этого публициста, справедливо указывает, однако, что Пересветову вместе с тем были свойственны и некоторые воззрения, «выходящие за рамки дворянской ограниченности», — протест против кабальной и холопией зависимости, протест против «всякого порабощения», черты свободомыслия и т. д.⁴⁸

Конкретное исследование литературных памятников приводит исследователей к пониманию сложности идеологии как при ее зарождении, так и при последующем развитии. Но такое исследование вновь и вновь на разнообразнейшем материале подтверждает теснейшую зависимость развития литературы от истории классово-вой борьбы. Подтверждается эта зависимость и на материале средневековой русской литературы.

III

Примеры убедительных социальных характеристик памятников древнерусской литературы в исследованиях последних лет можно было бы еще значительно умножить. Нам представляется, однако, более плодотворным обращение к иным примерам. Рискуя вызвать новые замечания Д. Чижевского по поводу отсутствия «единомыслия» у советских исследователей, мы хотим остановиться на тех характеристиках, которые представляются нам спорными и недостаточно убедительными. Речь идет о попытках ряда весьма серьезных советских исследователей найти среди различных писателей XVI в. идеологов основного трудящегося класса феодального общества — крестьянства.

Первая попытка такого рода принадлежала И. И. Смирнову — крупнейшему исследователю истории классово-вой борьбы и крестьянских движений XVI—XVII вв. Справедливо возражая против огульного разделения идеологов XVI в. на дворян-иосифлян и бояр-нестяжателей, И. И. Смирнов привел в качестве примера памятника, не укладывающегося в «столь бедную и элементарную схему», известный публицистический памятник XVI в. — «Беседу Валаамских чудотворцев». Автор «Беседы» — противник землевладения монастырей, но из этого вовсе не следует, как справедливо отметил И. И. Смирнов, чтобы он был боярином-нестяжателем вроде А. М. Курбского. Связь памятника с русским севером, частые упоминания его о «мире» (термин, которым, между прочим, именовалась на севере «черная» крестьянская волость) — все это побудило И. И. Смирнова прийти к выводу, что «Беседа» — «памятник публицистики, вышедший

⁴⁷ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953; Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960; ср.: J. S. Luria. Das Problem der ideologischen Hauptrichtungen in der russischen Literatur am Ende des 14 und in der ersten Hälfte des 16. Jh. — Zeitschrift für Slawistik, Bd. V, Heft 3, Berlin, 1960.

⁴⁸ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 388—392 и 455.

из среды черного волостного населения русского Севера», где крестьяне больше всего страдали от феодального землевладения монастырей. «Беседа», по мнению И. И. Смирнова, «первый в древнерусской публицистике литературный памятник, выражающий интересы северного крестьянства».⁴⁹

Вывод этот вызывает серьезные сомнения. Говоря о крестьянском характере «Беседы», И. И. Смирнов специально отмечает, что он имеет в виду не установление «личности автора этого анонимного произведения», а выяснение «тех социальных кругов, из среды которых вышла „Беседа“». Речь идет, следовательно, не о том, кто был автор «Беседы» и из каких областей он происходил, а о его социальном лице. Но отражает ли «Беседа Валаамских чудотворцев» идеологию крестьянства как класса? И. И. Смирнов отмечает, что автор «Беседы» выступал сторонником феодальных «властей» — «царей», правящих «с князи и бояры и с прочими с миряны», и что при этом он спорил с противниками «властей». По вполне вероятному предположению И. И. Смирнова, взгляды, с которыми спорил автор «Беседы», — это учение Феодосия Косого, холопа-еретика, наиболее радикального русского мыслителя XVI в.⁵⁰ Но тогда становится странной мысль о крестьянской идеологии «Беседы». Конечно, не всякий крестьянин XVI в. разделял радикальные воззрения Феодосия Косого; но значит ли это, что борьба с этими воззрениями и защита идеи «властей» отражала классовые интересы крестьянства XVI в., пусть даже черного крестьянства русского Севера? Была ли враждебность к монастырскому землевладению специфической чертой идеологии северного крестьянства? Отражала ли такая враждебность его основные социальные стремления?

Оценка «Беседы Валаамских чудотворцев», данная И. И. Смирновым, вызвала возражения среди ряда авторов. Весьма убедительно возражал И. И. Смирнову, например, И. У. Будовниц, указавший, что при построении И. И. Смирнова остается непонятным, почему в «Беседе» «цари должны так крепко советоваться „с бояры и с ближними приятели“ и почему только там в мире может быть царю милость, где власть находится в руках царских воевод? Неужели в Новгородской области и на Севере царские воеводы зарекомендовали себя такими яркими защитниками земских интересов? Некоторые выданные северным уездам уставные грамоты в мотивировочной части говорят об обратном».⁵¹

Отвергнув характеристику «Валаамской беседы» как памятника идеологии крестьянства, И. У. Будовниц со своей стороны назвал двух крестьянских идеологов среди писателей XV—XVI вв. — Нила Сорского и Ермолая-Еразма. Возражая авторам, считавшим Нила Сорского (как провозвестника нестяжательства) идеологом боярства,⁵² И. У. Будовниц пи-

⁴⁹ И. И. Смирнов. «Беседа Валаамских чудотворцев» и ее место в русской публицистике XVI века — Исторические записки, т. 15. М.—Л., 1945, стр. 257—258.

⁵⁰ Там же, стр. 251.

⁵¹ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 250—251.

⁵² Вопрос о социальной принадлежности Нила Сорского занимал уже В. А. Келтуялу. Отвергая буквальное понимание самохарактеристики Нила как «поселянина», В. А. Келтуяла дал чрезвычайно любопытное и характерное для него «доказательство» боярского происхождения Нила. Он проводил параллель между Нилом и «великим старцем» нового времени — Л. Н. Толстым; оба они знатоки религиозно-нравственной литературы, оба, по мнению В. А. Келтуялы, скептически относились к чудесам, оба сторонники внутреннего самосовершенствования, знатоки человеческой души, противники крупного землевладения; Нил предлагал инокам-аристократам жить собственным трудом, Толстой то же предлагал дворянам; оба скрывали свое аристократическое происхождение и просили похоронить себя без почестей. «Это сходство, — по мнению В. А. Келтуялы, — является новым косвенным доказательством, что Нил — такой же боярин, как Лев Толстой» (В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы,

сал: «Уход из мира, отречение от борьбы, непротивление осознанному злу — это обычно идеология пассивного, не сознающего своей силы, политически инертного класса. В этом отношении проповедь Нила Сорского, который сам себя называл „поселянином“, отражала скорее умонастроение патриархального крестьянства. Последнее испытывало на себе в то время сильный нажим, но не сумело еще противопоставить этому нажиму организованный классовый отпор».⁵³ Еще определеннее И. У. Будовниц в оценке классового лица Ермолая-Еразма. Это, по мнению исследователя, «ярый выразитель интересов крестьянства... Он силен в своих обличениях сильных и гордых, он внушает большие симпатии читателю теплым чувством сострадания к тяжелому положению ратаев (крестьян)».⁵⁴

Характеристика Ермолая-Еразма как представителя крестьянства, данная И. У. Будовницем и высказывавшаяся до него Р. Виппером и В. Ржигой, вызвала возражения Т. А. Колесниковой и некоторых других авторов.⁵⁵ Но она встретила и поддержку. Выразителем мировоззрения крестьянства, и именно патриархального крестьянства, считает Ермолая-Еразма А. И. Клибанов, специально исследовавший «Повесть о Петре и Февронии» (которую он считает произведением Ермолая) как памятник общественной мысли. По мнению А. И. Клибанова, повесть эта «отображала состояние пробуждавшегося классового сознания крестьянства» и была «не выше и не ниже уровня общественного сознания основной массы патриархального крестьянства в середине XVI в.». Упрекая Ермолая-Еразма за то, что «он — писатель, мыслитель, публицист, — в своем мировоззрении оказался не выше и не ниже хотя и незаурядной, но все же простой рязанской крестьянки»,⁵⁶ А. И. Клибанов в заключительной части своей работы прямо сопоставил его в связи с этим со Львом Толстым: «Пробуждавшееся к активной борьбе крестьянство мучительно, очень медленно, преодолеvalo патриархальные предрассудки. Оно далеко не освободилось от этих предрассудков и в конце XIX века, когда Лев Толстой в своем творчестве отразил противоречия крестьянского движения, подобно тому, как в середине XVI века их отразил в своем сочинении Ермолай-Еразм».⁵⁷

Более осторожную позицию занимает в этом вопросе А. А. Зимин. Критикуя попытки Т. А. Колесниковой слишком прямо и непосредственно связать программу Ермолая с классовыми интересами дворянства, А. А. Зимин полагает, что «вопрос о классовых позициях, с которыми выступал в своих сочинениях Ермолай-Еразм, еще нуждается в специальном исследовании».⁵⁸ Разбирая далее этот вопрос, А. А. Зимин указывает, что «цель, которую ставил Ермолай-Еразм в своем проекте реформ, — умаление „мятежей“ — соответствовала интересам феодалов. Однако средства,

ч. 1. кн. 2, стр. 387—388, прим.). Заметим, кстати, что если идеология Нила может вызывать споры, то происхождение его установлено: будучи братом дьяка Андрея Майка, Нил Сорский принадлежал к московской служилой среде.

⁵³ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века, стр. 81.

⁵⁴ Там же, стр. 221—223.

⁵⁵ Т. А. Колесникова. Общественно-политические взгляды Ермолая-Еразма. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 251—265. Оценку Ермолая-Еразма как дворянского публициста см. в статьях: В. П. Адрианова-Перетц. Крестьянская тема в литературе XVI века. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 202; Д. С. Лихачев. Иван Пересветов и его литературная современность. — В кн.: Сочинения И. Пересветова, стр. 30—32.

⁵⁶ А. И. Клибанов. Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли. — Исторические записки, т. 65. М.—Л., 1959, стр. 309.

⁵⁷ Там же, стр. 315.

⁵⁸ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 115.

предлагавшиеся публицистом, удовлетворить их не могли, ибо приводили к падению их доходов».⁵⁹

С крестьянством А. А. Зимин связывает другого публициста XVI в. — Артемия. Говоря о сочинениях этого нестяжателя, А. А. Зимин пишет: «Патриархальное крестьянство русского Севера, страдавшее от наступления монастырей-вотчинников на черные земли, а также монашество завожских пустыней составляли ту социальную среду, которая жадно воспринимала идеи старца Артемия».⁶⁰

Попробуем разобраться в этой формулировке — такой разбор поможет нам и в оценке других приведенных выше социальных характеристик. О чем здесь говорит А. А. Зимин — о популярности идей Артемия среди крестьян или о том, что эти идеи объективно соответствовали классовым интересам крестьян? Теоретически нет ничего невозможного в том, что идеи Артемия могли привлекать крестьян. Но на основании имеющихся у нас источников мы не можем утверждать, что основной аудиторией, «жадно воспринимавшей» идеи Артемия, были крестьяне (можно говорить лишь об интересе к проповеди Артемия со стороны Феодосия Косого); внимание крестьян к проповеди Артемия А. А. Зимин выводит главным образом из объективного смысла этих идей, считая их, следовательно, в той или иной степени соответствующими классовой идеологии черного крестьянства. Перед нами встает поэтому тот же вопрос, который вставал в связи с «Беседой Валаамских чудотворцев». Соответствуют ли те выводы, к которым Нил Сорский, Ермолай-Еразм и Артемий приходили теоретически, материальным потребностям крестьянства как класса? Наиболее трудно утверждать это об идеях Нила Сорского: в своих произведениях Нил писал о необходимости духовного усовершенствования иноков, но не выступал против монастырского «стяжания» и вообще не касался «земных» вопросов. Вопросы эти были подняты только нестяжателями XVI в. и в первую очередь Вассианом Патрикеевым (которого, однако, никто не считает крестьянским идеологом). Но изменила ли бы реформа монастырей, предложенная нестяжателями, или податная реформа, предложенная Ермолаем, сколько-нибудь существенно основы феодального строя? Отражала ли она основные классовые стремления крестьянства? Ответ на этот вопрос, очевидно, может быть только отрицательным.

Связывая идеологию Нила, Ермолая-Еразма и Артемия с крестьянством, исследователи подчеркивают главным образом пассивный характер этой идеологии, «политическую инертность», «беспомощность и нереальность», вспоминая при этом характеристику патриархального крестьянства, данную в статьях В. И. Ленина о Л. Толстом. Однако такое восприятие статей В. И. Ленина несомненно является односторонним. Характеризуя в статьях о Л. Толстом идеологию патриархального крестьянства, В. И. Ленин подчеркивает как раз противоречивый характер идеологии этого класса, ее двойственность — соединение революционных настроений, «злобы и ненависти» по отношению к господствующим классам с пассивностью и политической инертностью. Насколько важной чертой крестьянской идеологии представлялись В. И. Ленину именно настроения протеста, видно из его замечаний о письме Белинского к Гоголю. Идеология Белинского

⁵⁹ Там же, стр. 137.

⁶⁰ Там же, стр. 168. В своем докладе «Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв.» (См. кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, стр. 115) А. А. Зимин согласился и с мыслью об идеологической близости Нила Сорского к крестьянству.

в середине XIX в. и идеология Льва Толстого в конце XIX—начале XX в. были весьма различны между собой, но общей чертой в их идеологии (позволявшей и в письме к Гоголю, и в произведениях Толстого видеть отражение крестьянской идеологии, хотя и на разных исторических этапах) было горячее чувство протеста против крепостнического (или сохранившегося остатка крепостничества) государства. Что касается другой стороны толстовства, его пассивного характера, «непротавления злу», то В. И. Ленин ясно показывает ее историческую обусловленность, тесную связь с конкретной исторической эпохой: Лев Толстой, по словам В. И. Ленина, выразитель идей крестьянства «времени наступления буржуазной революции в России». «Противоречия во взглядах и учениях Толстого, — указывает В. И. Ленин, — не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX в. Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску... И противоречия во взглядах Толстого надо оценивать... с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней».⁶¹ Сходство между психологией толстовства и крестьянской психологией В. И. Ленин объясняет исторически, связывая его с противоречиями периода наступления «господина Купона» (капитализма)⁶² на патриархальную деревню.⁶³

Патриархальное крестьянство конца XIX — начала XX в., идеологию которого выражал Лев Толстой, шло по пути классового разложения, деклассирования: в России наступал капитализм, и основным революционным классом общества становился рабочий класс. «Отчаянье свойственно тем классам, которые гибнут, а класс наемных рабочих неизбежно растет, развивается и крепнет во всяком капиталистическом обществе, в том числе и в России», — писал В. И. Ленин.⁶⁴

Но в XV—XVI вв. не создались те «противоречивые условия», о которых говорит В. И. Ленин в статьях о Л. Толстом, и основным трудящимся классом феодального общества, ни в какой мере не подвергавшимся еще разложению, было крестьянство. Конечно, крестьянство XV—XVI вв. было политически никак не более сознательно, чем патриархальное крестьянство XIX—XX вв. Говоря об идеологии крестьянства при феодализме, мы должны учитывать специфические черты идеологии феодального периода и прежде всего господство религии в идеологии всех классов феодального общества. В идеологии средневекового крестьянства его насущные потребности выражались не в открытой, а в мистифицированной, обычно богословской форме. Эта идеология неизбежно должна была включать какие-то элементы, свидетельствующие о политической незрелости крестьянства, — черты утопизма, идею «непротавления злу», веру в «добротого царя» и т. д. Но господство религиозного мировоззрения было в средние века чертой не одного крестьянства, такое мировоззрение было свойственно феодальному обществу в целом. Для того чтобы считать того или иного древнерусского писателя идеологом крестьянства, нам недостаточно сослаться на его «инертность», «пассивность» или веру в «непротавление злу», мы должны обнаружить в его идеологии некие специфические черты, связанные с материальными потребностями крестьянства

⁶¹ В. И. Ленин Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 210.

⁶² Там же, т. 20, стр. 21.

⁶³ Там же, стр. 40.

⁶⁴ Там же, стр. 41.

как основного трудящегося класса феодального общества, противостоящего классу феодалов.

Едва ли такими чертами будут настроения жалости к «селянину», призывы воздержаться от излишнего «насильства» по отношению к нему. Исследуя «крестьянскую тему в русской литературе XVI в.», В. П. Адрианова-Перетц справедливо отметила, что в борьбе «за крестьянский труд и землю», которую вели в этот период представители господствующего класса, они охотно выдвигали «новую тему — тему крестьянского труда». ⁶⁵ Излишнее «насильство» крестьян осуждали многие публицисты XV—XVI вв., среди них был и уже упомянутый Ермолай-Еразм, и автор «Валаамской беседы», и Вассиан Патрикеев, и Максим Грек, и даже Иосиф Волоцкий. Но при всех своих разногласиях эти публицисты, по справедливому замечанию исследователя, сходились в одном — «в своей резко отрицательной оценке антифеодального движения во всех его формах, в своем твердом убеждении, что „селянин“ должен кормить своих владельцев». ⁶⁶ Мы не можем считать любого идеолога, говорящего о тяжелом положении крестьян, крестьянским идеологом, иначе нам придется видеть идеологов крестьянства и в Иосифе Волоцком, и в Максиме Греке, и во всяком почти феодальном публицисте, затрагивающем «крестьянскую тему». При всей сложности идеологии средневекового крестьянства в ней, очевидно, должно быть главное — идеология эта должна быть в конечном счете несовместима с основами феодального строя и враждебна им.

Идея уничтожения феодальной эксплуатации была неосуществима в условиях XV—XVI вв., но из этого не следует, что эта идея не могла существовать в то время, хотя бы в утопической или абстрактно-богословской форме. Вопреки В. А. Келтуяе мы не считаем, что все художественное творчество Древней Руси — и письменное, и устное — отражало идеологию господствующего класса. Значительная часть памятников устного творчества, дошедших до нас, не только бытовала в крестьянской среде, но, по всей видимости, в этой среде и возникла (типичный образчик крестьянской идеологии — скоморошина «Вавило и скоморохи» о победе крестьянского «царя» Вавилы над ненавистным «инищим царством» царя Собаки). ⁶⁷ Труднее было сохраниться памятникам антифеодальной идеологии в письменном виде, но о существовании таких произведений нам известно. Речь идет прежде всего о проповеди Феодосия Косого, единственного известного нам писателя Древней Руси, которого мы можем решительно связать с угнетенными классами древнерусского общества, в частности с крестьянством. Речь может идти и о других еретиках XV—XVI вв., об идеологии которых мы знаем меньше, но которые тоже, по-видимому, судили о том, «яже бог не повелел», и выражали недовольство тем, что в окружающем их мире одни «веселятся в богатстве», а другие «в нищете страждут». Объективно антифеодальный характер имели, как мы уже отмечали, выступления Пересветова против всякого «порабощения»; еще дальше шел в этом отношении дворянин-еретик Матвей Башкин. ⁶⁸

«Материальный интерес и общественное положение» древнерусского крестьянства находились в непримиримом противоречии с усиливавшейся

⁶⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Крестьянская тема в литературе XVI века, стр. 211.

⁶⁶ Там же, стр. 201.

⁶⁷ Ср.: Русское народное поэтическое творчество, т. 1. М.—Л., 1953, стр. 342—344; А. А. Зимин. Скоморохи в памятниках публицистики и народного творчества XVI века. — Сб. «Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв.». М.—Л., 1959, стр. 341—343.

⁶⁸ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 180—181 и 451.

в XV—XVI вв. феодально-крепостнической эксплуатацией. Основной чертой памятников крестьянской идеологии (если они действительно отражали идеологию крестьянства как класса) должна была быть не «инертность» и не «пассивность», а все более нараставшее чувство «злости и ненависти» по отношению к феодальному «порабощению». «Утешать раба есть занятие выгодное для рабовладельца, а настоящий сторонник рабов учит их возмущению, восстанию, свержению ига...».⁶⁹

В настоящей статье мы ни в какой мере не предполагали исчерпать многочисленные темы, связанные с социальной характеристикой древнерусской литературы. Социально-экономическая история Древней Руси дает ключ к самым различным вопросам истории русской литературы XI—XVII вв.

К числу этих вопросов относится, в частности, одна из важнейших проблем, постоянно встающих перед литературоведами, — вопрос о своеобразии древнерусской литературы. Резкое отличие литературы Древней Руси от современных ей западных литератур отмечал еще А. Н. Пыпин; настойчиво подчеркивают это отличие иностранные литературоведы. Степень этого отличия резко преувеличивается многими западными авторами, но самый факт некоторого своеобразия древнерусской литературы, особенно в период позднего средневековья, несомненен: в России не получили достаточного развития такие жанры предвозрожденческой и возрожденческой литературы, как театр, светская поэзия, новеллистические циклы и т. д. В чем же причина этого своеобразия? Едва ли здесь окажется плодотворной ссылка на особый характер «мышления» древнерусского человека: в этом случае перед нами неизбежно встанет вопрос о том, почему у людей Древней Руси сложилось такое «мышление», почему его не оказалось у их западных современников. Столь же мало убедительной представляется и ссылка (предложенная австрийским литературоведом Р. Ягодичем) на особую роль христианства в древнерусском быту. Христианство, как мы уже отмечали, играло важнейшую роль в средневековом обществе в целом, роль его на католическом Западе была не менее важной, чем в православной Руси. Почему же там пути развития светской литературы оказались иными?

Наиболее убедительный ответ на этот вопрос дает именно социальная история Древней Руси. Расцвет светской литературы на Западе в конце средних веков и в канун Возрождения был теснейшим образом связан с развитием городов и городской культуры: сочинения светского характера записывались и получали распространение именно в городах. В России же развитие городов было надолго приостановлено и задержано татарским завоеванием; слабостью русского города объяснялась в первую очередь неудача русских реформационных движений в конце XV и в XVI в.; светская литература начала по-настоящему развиваться в России только в XVII в., когда образовался общерусский рынок и города стали играть важную роль в жизни страны.

К числу важнейших вопросов истории древнерусской литературы относится и вопрос об отношении между социально-политической тенденциозностью писателей и их художественным мастерством. Какими средствами достигается художественное воплощение авторской тенденции? «Я думаю, — писал Энгельс, — что тенденция должна сама по себе вытекать из

⁶⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 140.

положения и действия, без того, чтобы на это особо указывалось, и что писатель не обязан подносить читателю в готовом виде будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов». ⁷⁰ Прямое выражение авторской тенденции, преподнесение ее читателю в «готовом виде» лишает искусство одного из его важнейших моментов — сопереживания читателя, его соучастия в художественном процессе. Принцип обязательной художественной «косвенности» в передаче авторской идеи лежит в основе целого ряда явлений, давно отмеченных, но в сущности не объясненных литературоведением. Что значит «устарение» того или иного художественного приема, превращение его в «штамп» и переход в разряд «запрещенных» приемов? Не означает ли это, что неоригинальный, ставший традиционным способ выражения авторской идеи благодаря своей привычности начинает восприниматься читателем как нечто искусственное, следовательно, навязанное ему, читателю, в «готовом виде»? Не является ли так называемое «остранение» одним из средств возбудить воображение и мышление читателя с тем, чтобы идея произведения возникла у него как его собственный вывод из «положения и действия»?

Вопрос этот может быть поставлен и на материале литературы русского средневековья. Вопреки весьма распространенному представлению о неизменном «прямолинейном дидактизме» древнерусской литературы, литература эта уже с давних времен стремилась «передать свое отношение к изображаемому не только прямым выражением своих оценок, но и самым способом изложения», воздействовать на воображение и мышление читателя. ⁷¹ Чем острее была идейная борьба в русской литературе, тем сложнее, тоньше и «косвеннее» становились средства художественного воздействия; тенденциозность древнерусской литературы не только не отменяла ее художественности, но содействовала художественному развитию.

Резко возражая против упрощенного понимания основ исторического материализма, Ф. Энгельс писал, что для выведения политических, эстетических и иных воззрений из условий существования общественных формаций «всю историю надо начать изучать заново». ⁷² Эта величественная задача стоит и перед исследователями истории русской литературы XI—XVII вв.

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 505.

⁷¹ В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 17.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVIII, стр. 233.